

СКАЖИТЕ, ДОКТОР

Ведущий рубрики - доктор Шагвич
Истории от доктора

Как я в капиталисты ходил *Неностальгические записки*

Кому из нас в начале голодно-бездоходных 90-ых не хотелось приобщиться к тем, кто сумел урвать себе что-то от распадающейся огромной страны. Хотели все, пытались некоторые, получали единицы. Я тоже хотел попытаться. И вот что из этого получилось.

Глава первая

Масло

Роды были тяжёлые: женщине под сорок, ребёнок недоношенный, к тому же лежал неправильно. А ещё давление, вес, сахар и прочие сопутствующие прелести нездоровой, но вкусной пищи. Я лежал на будущей маме сверху, акушерка под ней снизу, мы дулись больше, чем сама роженица, но справились. Малышка родилась слабенькой, без дыхания и с нитевидным сердцебиением. Пришлось подключаться педиатру – моему другу и соратнику по многочисленным вредным привычкам. Когда под утро полуживую от счастья мамашу и новорожденную благополучно перевели в послеродовую палату, мы с коллегой вышли на крыльцо покурить и убедиться, что вселенная ещё на месте. На нас сразу налетел взъерошенный мужчина с перепуганными глазами и потной лысиной.

– Ну, что там? Как дела?

– А вы, дядя, кто?

«Дядей» оказался счастливый муж нашей родильницы, а заодно бывший руководитель колхоза-миллионера из дальней области, а после перестройки директор того же колхоза, но теперь уже ставшего его личным агропромышленным комплексом.

– Мужики, спасибо! Да я для вас... Говорите, что надо, всё сделаю! – нормальная реакция новоиспечённого папаши.

– Да, как обычно, – дружно запели мы ласковыми голосами, – «big five»: мясо, молоко, яйца, фрукты, овощи.

– Сделаю!

Через неделю директор забирал жену с ребёнком из роддома на грузовике. Нетривиально, зато привёз всё, как и обещал. А на прощание отозвал меня в сторону для мужского разговора.

– Вы мне семью спасли, буду должен. Короче, я дам вам обоим с педиатром по гектару земли в аренду на год. Мы сами посеём подсолнух, осенью сами покосим, переработаем, а масло вам. Это примерно по две тонны каждому.

– Но куда, зачем, мы это масло за всю жизнь не выжарим.

– Да-а, не бизнесмены вы. Просто я это масло через себя проведу, продам, деньги – вам. Ну, не все, конечно, а половину, мне же за заботу как-никак положено. От вас требуется только одно: надо будет семечку один-два раза прополоть, иначе сорняки забьют, не вырастет ничего.

Мы согласились, радостно прикидывая, куда будем тратить наши «нечестно заработанные». Через несколько недель директор, с которым мы к тому времени успели выпить за здоровье дочки не одну рюмку, позвонил и сказал, что семечку пора пропалывать.

Мы с другом-педиатром прикинули: гектар – это сто на сто метров. Мировой рекорд в беге на сто метров примерно восемь секунд. Мы – не чемпионы, поэтому с тяпками пройдем за... ну, пусть десять минут, чтоб не напрягаться. И так несколько раз. За час управимся.

Гектар оказался каких-то четыре рядка, зато восемьсот метров в длину, края за горизонтом видно не было. Начали новоиспечённые целинники бодро, но уже через двадцать метров пришлось делать первый перекур: руки болели, появившиеся трудовые мозоли лопнули и начинали кровить. Ещё через тридцать метров волевых усилий мы просто сели на грядки. Ни курить, ни жить не хотелось. Подсолнухи казались ожившими личными врагами. Материальное благополучие виделось карой за гордыню и корысть. На общем совете дольщиков, состоявшемся прямо на грядке, было единогласно решено, что повышение жизненного уровня не стоит самой жизни. И мы уехали. Директор, когда узнал, долго смеялся, потом успокоил нас и сказал, что справится сам. По слухам, он с семьёй втроём обработали наши гектары за четыре выходных дня. Тоже мировой рекорд. Поздней осенью он приехал к нам домой, привёз каждому по два мешка семечек и по десятилитровой канистре масла. К весне семечки, спрятанные в подвале, благополучно превратились в большую кучу мышьиного помёта, а масло, напоминавшее о нашей бесславной попытке влезть на вершину пищевой пирамиды, мы с женой просто раздали: с глаз долой – из воспоминаний вон.

Глава вторая

Спирт

– Доктор, спасай жену, у нас ещё двое грудных детей дома! – военный в полковничьих погонах встретил меня на входе в приёмное отделение, куда я был вызван в три часа ночи.

У женщины был геморрагический шок на фоне острой кровопотери. В животе оказалась свежая внематочная беременность и два литра такой же свежей крови. Внематочная, вообще, благодарная операция. Наложил зажим на сосуд – и нет кровотечения. Живот помыл от крови, зашил и выпишывай пациентку здоровую и невредимую через неделю. С родственников – благодарность и уважение на всю жизнь. Полковник, который оказался ни много ни мало директором тюрьмы-поселения с собственным колхозом, забирал жену с двумя автоматчиками за спиной.

«Ничего себе почётный караул! Наверное, любовь», – подумал я и был слегка разочарован его пустыми руками, – «может он мне эти два Калашникова в подарок принёс», – это был голодный юмор.

– Доктор, вы мне жену спасли, я ваш должник, – повторил полковник свою мантру и полез во внутренний карман.

– Деньги не возьму! – чёрт, зачем я сказал эту глупость.

– У меня кое-что получше, – мужчина достал из портмоне маленькую помятую бумажку.

– Это что, номер счёта в швейцарском банке или ваше завещание на моё имя?

– Нет, это накладная, что вы сдали на комбикормовый завод десять тонн пшеницы, переработанные в пять тонн комбикорма.

– Ух ты, ну всё, теперь зиму перезимуем, будет, что поесть.

– Комбикорм для людей невкусный, – у него совершенно отсутствовало чувства юмора, – вы поменяете его на одну тонну спирта.

– Ух ты, будет что под комбикорм выпить.

– Спирт можно, конечно, выпить, но лучше продать, это хорошие деньги, – уж не подумал ли он, что я тонну действительно смогу выпить, – Только спирт надо будет забрать уже завтра.

Пришлось срочно отменять плановые операции на следующий день. Спирт – важнее.

Мой давний приятель работал главным инженером на автотранспортном предприятии, имел своё подворье и практически не пил – идеальный компаньон для моего зарождающегося бизнеса. На следующий день он пригнал огромный самосвал и пять бочек, нам загрузили в них спирт, и мы укатили гордые и счастливые в новую жизнь. Пять двухсотлитровых ёмкостей стояли в сарае и манили своим содержимым. Было решено одну бочку спрятать подальше, как стратегический запас для личных расходов, а четыре... Идей пока не было, но было ясно, что нам нужен кто-то третий без постоянной работы для помощи в спиртовой концессии. Приятель привлёк своего родственника.

– Мы не будем делать из спирта водку и продавать. Мы не станем конкурировать с государством – это не безопасно. Мы сделаем следующее: четыре бочки грузим назад на машину, и вы едете по колхозам нашей необъятной родины менять спирт назад на пшеницу. Но уже один к двадцати. Вам по двадцать пять процентов, мои – пятьдесят, – спирт был мой, значит и решать было мне.

Через неделю мы сдали на завод двадцать тонн пшеницы и получили уже две тонны спирта, который не сгружая снова повезли на обмен по долам и весям. Я в процесс не вмешивался, только чуть-чуть руководил и малость контролировал. К следующему обмену было решено привлечь ещё одного помощника для продажи спирта по-крупному. Деньги мы с женой складывали в огромный целлофановый мешок под диван. Зелёные бумажки с портретами умерших американских президентов даже перестали считать, мечта, что скоро жизнь изменится к лучшему.

Всё, наверное, так бы и было, но через два месяца появились мелитопольские. В бывшем СССР были два товара из Мелитополя, известные на всю страну: арбузы и бандиты. К нам приехали не арбузы.

Сначала они заявили к нашему продавцу, так как на продажных накладных везде стояло его имя. Их с женой и дочерью вывезли в поле и подожгли. Для начала только его машину, и он отдал всё, включая наши адреса. Потом они поехали к приятелю, у

которого стоял спирт. И окунали его жену с головой в наполненную водой ванну, пока он не отдал всё: спирт, деньги, остатки пшеницы, справки на комбикорм. И даже пустые бочки. Когда под утро добрались до меня, я, предупреждённый по телефону, уже стоял в прихожей с вежливой гостеприимной улыбкой на лице и ручкой в правой руке. «Где и что подписывать?»

Из мешка денег мне оставили с издевательской улыбкой сто долларовую купюру. Жена и дочь даже не проснулись. А ещё мелитопольские не нашли ту спрятанную в коровнике для личного пользования единственную бочку. На неё мы, выпивая помногу и продавая по чуть-чуть, прожили год. Так закончилась моя бесславная эпопея торговли спиртом и желание разбогатеть. А ещё я понял, почему полковник везде ходил с двумя автоматчиками.

Мораль: а нет никакой морали. Я никогда не умел брать взятки, равно как и их давать. Я почти всегда переплачиваю, когда покупаю, и почти всегда получаю меньше, когда пытаюсь продать. А ещё я совсем не умею торговаться. Не дано. Зато мне неплохо удаётся принимать роды и оперировать. А это, согласитесь, немало.

Будьте здоровы и счастливы. Помните: ни деньги, ни их количество не главное. Самое главное – это мир во всём мире.

Ваш доктор Шавевич